

Литература Вологодского края
/ сост. С. Ю. Баранов. – Вологда, 2012. – С. 35-39.

Флегонт Арсеньевич
АРСЕНЬЕВ
(1832–1889)

Об авторе. Писатель и этнограф. Родился в Ярославской губернии. Преподавал русский язык в Вологодском и Усть-Сысольском уездных училищах. Служил в статистическом комитете, был чиновником по крестьянским делам. Редактировал неофициальную часть газеты «Вологодские губернские ведомости». Публиковал очерки и книги краеведческого характера: «Леса Вологодской губернии», «Производство смолы и дёгтя в Кадниковском уезде», «Крестьянские игры и свадьбы в Янгосаре Вологодского уезда», «Пётр Великий в Вологде и на севере Руси» и др. Его книга «Охотничьи рассказы» издавалась дважды (1864, 1885).

¹ *Хозяин бани* – банник, персонаж народной мифологии.

² *Певун* – петух.

³ *Косьё* – ленты.

ЛЕСОВОЙ¹

(Из «Охотничьих рассказов»)

Пошёл один охотник осенью в лес за белками. Долго он ходил по лесным трущобам и урёмам², но не только ничего не убил, но даже никакого зверя, ни дичи не видал. День выдался дождливый, охотника промочило насквозь.

Задумал он вернуться домой и идёт мимо небольшой полянки в самом глухом лесу. Смотрит, а на самой середине полянки стоит лисица, хорошая-расхорошая, и что-то роет лапой.

Остановился мужик, осторожно приловчился винтовкой к деревцу и выстрелил: лисица перекувырнулась – и дух вон. Подбежал охотник к зверю, взял его, притащил под ель, разложил пажок³ и начал сдирать шкуру. Выстрел был чудесный: пуля пробила грудь и в крестце вышла вон. «Славно угодил!» – подумал мужик и повесил шкуру на сучок над огнём, чтобы попровяла, и сам после этого начал закусывать.

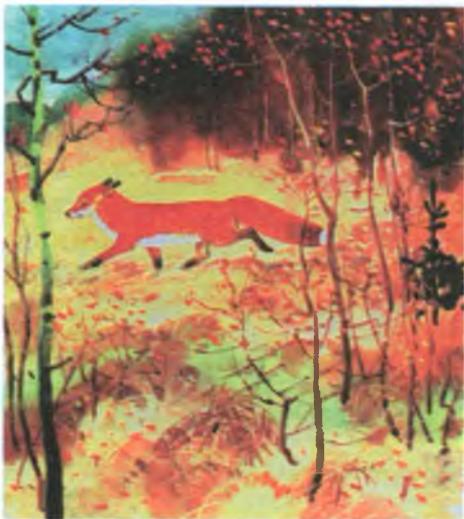

Рис. В. Федотова

Поднялся ветер, сперва лёгонькой, а потом скоро перешёл в такую бурю, что сосны заскрипели. Шкура так и раскачивается, так и рвётся с сучка; рвалась, рвалась, соскочила и упала на лисье тельце. Вдруг тельце ожило, шкура вмиг очутилась на нём, и лисица, цела и невредима, потихоньку через полянку ушла в лес.

Сделалось это так скоро, что охотник только успел ахнуть от страха и дива. Лисица ушла, а мужик стоит и дивится да хлопает о полы зипуна.

– Не дивись! – слышит он из лесу голос, – то ли ещё бывает! Спроси-ка, что было с Иваном Голым в деревне Зубариха, на Шоле-реке.

¹ Лесовой – леший.

² Урёма – лиственный лес, растущий в пойме реки.

³ Пажок – пожог, костёр.

Голос замолк; мелкий осенний дождь усилился, и охотник возвратился домой без всякой добычи.

Наступила весна. Мужик этот отправился в отхожий промысел — строить суда на реку Шолу, по найму от хозяина. Живёт он целую весну. Раз и вспомнил он про ту деревню, о которой ему сказано было в лесу. Стал спрашивать — не знает ли кто и не слыхал ли о деревне Зубарихе. Рабочие, его товарищи из тех мест, и говорят, что есть такая деревня, в глухих лесах стоит, и дорогу к ней рассказали.

Подошло два сряду праздничных дня, мужик пошёл в Зубариху. Деревня эта стояла в самом заглушье, среди тёмного леса, и была только из нескольких дворов. Нашёл он в Зубарихе Ивана Голого: это был уже пожилой мужик, живший с сыном и невесткою. Разговорились. Охотник наш и спросил, какое на веку с ним диво в лесу случилось, и рассказал ему, в чём дело.

— Да было, — отвечал Голый, — доподлинно диво, только не со мной, а с покойным моим отцом. Назад тому лет тридцать, — говорит, — пошёл отец осенью на охоту за белками. Я остался дома — недосужно¹ было. Ходил он по лесу день, и счастья такого никогда ему не выдавалось: убил до пяти десятков белок, да пар семь рябков, да ещё сколько, не знаю, тетерь, так что целая ноша к вечеру накопилась, едва вмочь носить; к тому же ещё за плечами был с харчами кошель.

Дошёл он к вечеру до лесной избушки и расположился в ней переночевать. Освеживал, развесил шкурки, потом сварил ужин и начал закусывать. А на улице такая темь сделалась той порой, что хоть глаз выколи. Поднялся ветер, пошёл дождь, лес зашумел, затрещал... ну, страсть, одним словом.

Рис. В. Горячёва

¹ Недосужно — некогда.

«Эка погода! – думает отец, – может, иной крещёный в лесу плутает в это время».

Только подумал он это, слышит, к избушке кто-то бежит и охает. Дверь отворилась, и в неё, смотрит, лезет высокий рыжий мужик в армяке и острой меховой шапке.

– Хлеб да соль, – сказал пришелец.

– Садись хлеба кушать, – ответил отец.

– Это хорошо, – говорит рыжий мужик, – есть-то я давно хочу.

Он сел на обрубок перед столом и начал убирать варево за обе щеки. Скоро он съел всё, что было приготовлено отцом, но не насытился.

– Ну, потчуй же, – говорит, – коли пригласил.

Отец вытащил из кошеля каравай и положил на стол. Коврига в минуту исчезла. И тут отец заметил, что у мужика был такой большой рот, что целые ломти уходили в него, не задевая за губы.

– Ну, давай, что ещё у тебя там есть! – говорит мужик.

Отец вытащил всё, что было с собою запасу; тот и это всё съел.

– Ну, давай, – говорит, – ещё!

– Да больше нет ничего, – сказал отец, – вот буде¹ хочешь – ешь белок!

Он и белок съел.

– Ну, давай ещё.

– Да вот, – говорит отец, – если душа вынесет, так собаку ешь.

Мужик схватил собаку и легонько проглотил и её. Отец стоит ни жив ни мёртв.

«Ну, – думает, – съест теперь и меня», – начал про себя читать отходную.

– Давай, – говорит мужик, – что у тебя есть ещё!

– Больше, – говорит отец, – ничего нет.

– Ну, коли ничего нет, так я тебя самого съем, только вот схожу недалёко.

Ушёл и унёс порох и ружьё. Остался отец безо всего. «Бежать, – думает, – догонит...» Осовел, одно слово.

Вдруг слышит, просунул кто-то голову в окно и говорит:

Леший
(бронзовое литьё)

¹ *Буде* – если.

– Беги, добрый человек, как можно скорее. В правой руке, недалёко, есть дорога. По этой дороге сейчас проедет тройка лошадей, ты и скочи на телегу, да крепче держись и смотри – подъедешь ты к трём соснам. У одной сосны сук, самый толстый, будет тянуться над дорогой, так ты обеими руками захватись за него и повисни, а остальное тебе уж самому видно будет.

Отец бросился из избушки и побежал в правую руку. Начал выходить месяц, вызвездило, и видно стало всё. Не успел отец отойти и полсотни шагов, смотрит – лежит прямая-препрямая дорога, а по дороге во всю мочь скачет тройка.

Попропустив её немного, отец приловчился, схватил за задок телеги и вскочил в кузов. Лошади пуще прежнего понеслись – летели что ветер, а около дороги всё лесок тянется небольшой.

Сидит отец, крепко держится в телеге. Видит – сосна, там другая, вот и третья, и от неё висит над дорогой толстый-претолстый сук. Поднялся отец, подскочил на телеге и повис на суку. Сотворил молитву – смотрит: он в своей избе висит, обнявши руками воронец¹. Мать ещё не спала – пряла лён, ужас её взял, как увидела, что отец будто с крыши в избу ввалился. Едва разняли мы ему руки, ровно примёрзли к брусу-то.

Ну, недолго же он и жил после того. А ружьё, собака, белки и птицы очутились на сарае.

Вот какое дело было с моим отцом. А спросись он у лесового ночевать, тот и не чудил бы: изба-то эта, надо полагать, была его.

¹ *Воронец* – толстый брус под потолком избы.